

Научная статья

УДК 339.923

doi:10.22394/1818-4049-2024-108-3-22-38

Торговые взаимодействия стран Северо-Восточной Азии в период нестабильного развития мировой экономики (2014–2023 гг.)

Дмитрий Александрович Изотов

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия

izotov@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9199-6226>

Аннотация. Целью исследования является анализ торговых взаимодействий стран Северо-Восточной Азии (СВА) в 2014–2023 гг. Показано, что совокупный рынок СВА, является одним из крупнейших в мире, при этом недостаточно интегрированным. В ходе анализа было определено, что в СВА происходят не конфликтующие в явном виде друг с другом процессы, которые, тем не менее, способствуют его торговой фрагментации. Полученные оценки указали в целом на низкую интенсивность торговли СВА и на наличие потенциала для расширения торговых взаимосвязей, реализация которого сдерживается различными ограничениями. При этом в рамках конкретных товарных ниш – продовольственная продукция, химические вещества, а также минеральное топливо – происходило наращивание интенсификации торговли в СВА, во многом благодаря более активному участию России в торговле со странами субглобального региона. Анализ торговых потоков и оценка интенсивности торговли позволили идентифицировать следующие характеристики торговых взаимодействий в СВА в 2014–2023 гг.: ориентация стран Большой тройки СВА на торговлю с третьими странами и постепенное ослабление торговых взаимодействий между ними, особенно между Японией и Республикой Корея; общий застой в торговле между странами Большой тройки СВА и незначительные взаимодействия между «периферийными» экономиками (Россия, Монголия и КНДР); притяжение торговли «периферийных» экономик СВА к Китаю в условиях благоприятных двусторонних политических отношений, создания экзогенных барьеров для взаимодействия с развитыми странами для российской и северо-корейской экономик, а также отсутствия других альтернатив для монгольской экономики. Определено расширение экономического влияния Китая в СВА, что способствовало постепенной изоляции Японии в торгово-экономических процессах субглобального региона. Помимо непосредственного притяжения к китайской экономике торговых потоков в СВА, Китай стал позиционироваться как наиболее удобный участник торгово-экономических взаимодействий для всех стран субглобального региона.

Ключевые слова: торговля, экспорт, импорт, товарная группа, интенсивность торговли, Северо-Восточная Азия, КНР, Япония, Республика Корея, Россия, Монголия, КНДР

Для цитирования: Изотов Д. А. Торговые взаимодействия стран Северо-Восточной Азии в период нестабильного развития мировой экономики (2014–2023 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2024. № 3 (108). С. 22–38. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-22-38>

Original article

Trade of Northeast Asian Countries in the global unstable economic development period (2014–2023)

Dmitry A. IzotovThe Economic Research Institute of FEB RAS, Khabarovsk, Russia
izotov@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9199-6226>

Abstract. *The aim of the study is to analyze trade interactions of Northeast Asian (NEA) countries in 2014–2023. The article shows that the NEA market is one of the largest in the world, but not sufficiently integrated. The analysis revealed that NEA is experiencing processes that do not explicitly conflict with each other, but contributed to its trade fragmentation. The obtained estimates pointed to the low intensity of trade in NEA in general and the potential for expanding trade relations, which is constrained by various restrictions. At the same time, for some commodity flows (food products, chemicals, and mineral fuels) there was an increase in the intensification of trade in NEA, largely due to Russia's more active participation in trade with the countries of the sub-global region. The analysis of trade flows and assessment of trade intensity allowed the author to identify the following characteristics of trade interactions in Northeast Asia in 2014–2023: the orientation of the CJK (China, Japan and Republic of Korea) toward trade with third countries and a gradual weakening of trade interactions between them, especially between Japan and the Republic of Korea; general stagnation in trade between the CJK and insignificant interactions between the “peripheral” economies (Russia, Mongolia, and the DPRK); attraction of trade of the “peripheral” economies to China in the context of favorable bilateral political relations, the creation of exogenous barriers to interaction with developed countries for the Russian and North Korean economies, and the absence of other alternatives for the Mongolian economy. The expansion of China's economic influence in NEA was determined, which contributed to the gradual isolation of Japan in the trade and economic processes of the sub-global region. In addition to the direct attraction of trade flows in NEA to the Chinese economy, China has begun to position herself as the most convenient participant in trade and economic interactions for all countries of the sub-global region.*

Keywords: *trade, export, import, commodity group, trade intensity, Northeast Asia, China, Japan, Republic of Korea, Russia, Mongolia, DPRK*

For citation: Izotov D. A. (2024) Trade of Northeast Asian Countries in the global unstable economic development period (2014–2023) *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 3 (108), pp. 22–38. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2024-108-3-22-38>

Введение

Северо-Восточная Азия (далее – СВА) как субглобальный регион, к которому относятся территории шести стран (КНР, Япония, Республика Корея, Россия, Монголия и КНДР), является одним из крупнейших в мире рынков по размеру ВВП, который к 2023 г. составил около 26 трлн долл. (прежде всего, за счет китайской и японской экономик), что было сопоста-

вимо с экономикой США (27 трлн долл.) и превосходило экономику Европейского союза (ЕС) в составе 28 стран (22 трлн долл.)¹. При прочих равных условиях, СВА характеризуется объективной предрасположенностью к развитию торгово-экономического сотрудничества в форме кооперации и интеграции, которая основывается на естественном распределении факторов производства и экономи-

¹ Рассчитано на основе статистики МВФ [World Economic Outlook, 2024].

ческих ресурсов в данном субглобальном регионе [Scalapino, 1989]. Однако во многом из-за непреодолимых трудностей в политических взаимоотношениях между некоторыми странами субглобального региона [Rozman, 1995], попытки создания широкого по охвату стран кооперационного либо интеграционного объединения в СВА потерпели неудачу [Wissenbach, 2013]. Тем не менее, все страны СВА, за исключением КНДР, присоединились к ВТО, некоторые страны субглобального региона создали двусторонние интеграционные объединения в формате зоны свободной торговли (далее – ЗСТ) во второй половине 2010-х гг.², также страны Большой тройки СВА (КНР, Япония и Республика Корея) заключили инвестиционное соглашение в 2012 г., снижающее барьеры для потоков капитала между странами [Corning, 2014].

Несмотря на отсутствие единого интеграционного объединения в СВА, территориальная близость и масштаб экономик, преимущественно стран Большой тройки СВА, способствовали поддержанию торговых взаимосвязей в субглобальном регионе в целом, что является особенно важным в условиях проявляющихся кризисов в глобальной экономике, которые увеличивают риски ее нестабильности, особенно в рамках последнего десятилетия: финансовый кризис конца 2014 г., вызвавший негативные тенденции в мировой торговле в условиях значительной коррекции цен на сырьевые товары; жесткие торговые ограничения в 2020–2022 гг. в рамках пандемии, связанной с распространением COVID-19; значительное повышение цен на сырьевую продукцию в 2022 г. и трансформация мировых рынков топливно-энергетических товаров на фоне заметного увеличения глобальной геополитической напряженности. Помимо этого, в глобальной экономике за последнее десятилетие существенно обострились протек-

ционистские тенденции, создающие барьеры для свободной торговли [Афонцев, 2020], а также процесс «фрагментации», с точки зрения создания крупных торговых блоков стран, вступление в которые требует существенных экономических преобразований [Plummer, 2007; Liman, 2016]. Данные тенденции в глобальной экономике, безусловно, затронули и ведущие экономики СВА, которые, тем не менее, искали компромиссные варианты совместного участия в интеграционных форматах, в частности, в рамках Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП)³, заключенного в 2020 г. При этом страны СВА реализовывали собственные и порой непересекающиеся стратегии развития своей внешнеэкономической деятельности⁴, которые отражались в усилении отклонения их торговли в пользу третьих стран. При этом страны Большой тройки СВА были активными участниками цепочек добавленной стоимости, функционирующих в условиях внутриотраслевой торговли, что указывает на возможное наличие кооперационных процессов между данными странами на уровне торгуемых конкретных товарных групп.

Следует заметить, что китайское руководство особенно активно осуществляло различного рода кооперационные инициативы, предусматривающие стимулирование долгосрочного торгово-экономического сотрудничества с приграничными государствами, особое место среди которых занимали так называемые периферийные экономики СВА – Россия, Монголия и КНДР. По причине укрепления длительное время торгово-экономических связей с европейским рынком, в рамках СВА Россия объективно не занимала лидирующих позиций в торговле. Однако, после введения против российской экономики некоторых ограничений в 2014 г., а затем и широкомасштабных санкций в 2022 г. со стороны западных стран, Рос-

² КНР и Республика Корея (2015 г.); Япония и Монголия (2016 г.).

³ Во ВРЭП вошли страны Большой тройки СВА, а также страны Юго-Восточной Азии, Австралия и Новая Зеландия.

⁴ Кооперационный проект КНР «Один пояс – один путь»; интеграционные форматы стран СВА в виде ЗСТ с третьими странами; вхождение Японии в интеграционный формат Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство и др.

сия стала смещать свою торговлю вначале поэтапно, а далее более акцентированно в пользу других экономик, к которым относились некоторые страны СВА, прежде всего, Китай. Данные обстоятельства указывают на то, что в рамках рассматриваемого десятилетия могла наблюдаться торговая консолидация «периферийных» экономик субглобального региона с китайским рынком, который являлся самым крупным в СВА.

Исходя из вышеизложенного, представляется важным определить степень сближения экономик СВА с точки зрения соотношения их общих торговых взаимодействий между собой и с третьими странами, а также в рамках конкретных товарных рынков в условиях нестабильного развития глобальной экономики в 2014–2023 гг. Одним из наиболее распространенных и надежных способов определения отклонения товарооборота субглобального региона либо в пользу внутрирегиональной торговли, либо в пользу торговли с третьими странами является оценка индекса интенсивности торговли [Cheong, 2010; Наманака, 2015], который был применен в настоящем исследовании для оценки степени сближения экономик СВА на основе данных международной статистики.

Таким образом, целью исследования является анализ торговых взаимодействий стран СВА в 2014–2023 гг. Алгоритм исследования предполагал решение следующих задач: 1) анализ общих тенденций и пропорций торговых взаимодействий стран СВА; 2) анализ товарной структуры экспорта и импорта стран СВА; 3) оценка интенсивности торговли стран СВА как для агрегированного показателя, так и на уровне товарных групп.

Торговые взаимодействия стран СВА: динамика и пропорции

Прежде чем приступить к анализу торговых взаимодействий стран СВА, следует заметить, что в данный субглобальный регион входят две страны (Россия и КНР), значительная часть территорий которых географически выходит за его пределы [Diener, Grant, Bennett, 2021]. При этом попытки разграничения территорий данных стран, путем выделения

субнациональных подсистем, непосредственно относящихся к СВА, являются некорректными, поскольку статистика внешней торговли на субнациональном уровне не учитывает некоторые отраслевые товаропотоки. Помимо этого, внешнеторговая статистика для России на субнациональном уровне не отражается с 2022 г. Другим замечанием является двойность в учете торговли группы стран, которые относятся к СВА. С одной стороны, стоимостной объем торговли СВА может рассматриваться как сумма товарооборотов каждой страны с другими странами субглобального региона. При этом товарооборот в рамках СВА будет рассчитываться дважды, что, тем не менее, соответствует принципу учета стоимостного объема совокупной торговли в рамках мировой экономики. С другой стороны, стоимостной объем торговли СВА может рассматриваться как сумма обоюдного экспорта либо импорта между странами, избегая тем самым проблемы двойного учета торговли. Однако при этом возникает проблема корректности рассматриваемых стоимостных объемов по причине не учета транспортных издержек. По этой причине, торговые взаимодействия в рамках СВА будут рассматриваться как сумма товарооборотов каждой страны СВА с другими странами данного субглобального региона.

В результате, анализ статистических данных показал, что стоимостной объем товарооборота между странами СВА в 2023 г. составил 1928 млрд долл., увеличившись на 17% по сравнению с 2014 г. По стоимостному объему товарооборота в рамках СВА безусловным лидером являлся Китай, нарастивший свою долю во внутрирегиональной торговле с 43,1% в 2014 г. до 46% в 2023 г., за которым следовали Япония и Республика Корея, постепенно теряющие свою долю по данному показателю – с 25,8% и 21,1% в 2014 г. до 19,6% и 18,7% в 2023 г. соответственно (табл. 1).

Примечательным моментом является то, что значительный прогресс в наращивании товарооборота со странами СВА показали «периферийные» экономики субглобального региона – Россия

Таблица 1

Стоимостной объем и структура товарооборота в рамках СВА по странам

Страна СВА		2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
КНР	1	711,7	633,2	607,2	678,9	758,6	721,4	718,5	884,9	923,2	887,7
	2	43,1	44,4	43,9	43,3	43,8	44,1	44,8	44,8	44,9	46,0
Япония	1	426,8	361,8	358,3	398,9	425,8	401,9	393,5	456,7	441,0	382,5
	2	25,8	25,4	25,9	25,4	24,6	24,6	24,5	23,1	21,4	19,8
Республика Корея	1	347,6	315,1	296,9	341,1	378,9	342,1	330,4	414,0	417,3	360,3
	2	21,1	22,1	21,5	21,7	21,9	20,9	20,6	20,9	20,3	18,7
Россия	1	148,1	102,6	107,9	136,8	155,1	157,0	152,2	207,2	256,7	274,0
	2	9,0	7,2	7,8	8,7	9,0	9,6	9,5	10,5	12,5	14,2
Монголия	1	9,1	7,0	6,4	8,5	10,9	11,4	9,8	13,1	17,9	20,4
	2	0,6	0,5	0,5	0,5	0,6	0,7	0,6	0,7	0,9	1,1
КНДР	1	7,8	7,2	5,4	5,1	2,5	2,6	0,5	0,2	1,5	3,0
	2	0,5	0,5	0,4	0,3	0,1	0,2	0,0	0,0	0,1	0,2

Примечания. 1 – млрд долл.; 2 – %. Здесь и далее стоимостные объемы российско-китайской торговли для 2022–2023 гг. были досчитаны исходя из зеркальной статистики КНР по поставкам углеводородного сырья из России на китайский рынок.

Источник: рассчитано на основе статистики ООН. UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 01 августа 2024 г.).

и Монголия. В рамках рассматриваемого периода Россия увеличила свою долю во внутрирегиональном товарообороте с 9% в 2014 г. до 14,2% в 2023 г., нарастив стоимостной объем торговли со странами СВА почти в два раза. Несмотря на малую долю в товарообороте, Монголия более чем в два раза увеличила стоимостной объем торговли со странами СВА. Товарооборот КНДР со странами СВА напротив, снижался, особенно в условиях введения новых санкций со стороны развитых стран [Toshkov, 2021], а также изоляции экономики во время пандемии КОВИД-19 [Lee, Lee, Kim, Choi, 2021]. Некоторое оживление в торговле КНДР со странами СВА наблюдалось только в 2023 г.

Важным аспектом в рамках рассматриваемого периода являлось проявляющееся отклонение торговли СВА в пользу третьих стран. Так, доля внутрирегионального товарооборота стран СВА имела тенденцию к увеличению, достигнув 21,8% в 2018 г., а далее – к сокращению до 20,3% в 2023 г. Наблюдалась постепенная ориентация торговли стран Большой тройки СВА на рынки третьих стран, а «периферийных» экономик СВА – на субглобальный рынок. По всей видимости, «периферийные» экономики для диверсификации внешнеторговых связей не имели таких же возможностей,

что Китай, Япония и Республика Корея, испытывая гравитационное притяжение со стороны крупнейших экономик субглобального региона, в том числе в силу внешнеполитических причин (табл. 2).

В среднем за период страны Большой тройки СВА балансировали отрицательное сальдо внешнеторгового баланса со странами субглобального региона за счет профицита в торговле с третьими странами. При этом из стран Большой тройки СВА к 2023 г. только Китай значительно нарастил положительное сальдо торгового баланса, снизив отрицательные значения данного показателя со странами СВА более чем в два раза по отношению к 2014 г. Похоже, что Япония и Республика Корея в начале 2020-х гг., т. е. в постковидный период и в условиях глобальной геополитической напряженности, перешли к модели экономического развития, предполагающей наличие отрицательного сальдо внешнеторгового баланса, которое частично балансировалось за счет экспорта услуг и наращивания внешних заимствований (табл. 3).

Из стран субглобального региона к 2023 г. только Россия и Монголия характеризовались положительными сальдо внешнеторгового баланса со странами СВА, которые стимулировались экспортом российских и монгольских сырьевых

Таблица 2

Доля внутрирегионального товарооборота в суммарной торговле стран СВА

Территория / страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
В среднем по СВА	21,4	21,3	21,7	21,8	21,8	21,1	21,4	20,6	20,0	20,3
КНР	16,5	16,0	16,5	16,5	16,4	15,8	15,4	14,8	14,6	15,0
Япония	28,4	28,9	28,6	29,1	28,6	28,2	30,8	29,9	26,8	26,0
Республика Корея	31,6	32,7	32,9	32,4	33,2	32,7	33,7	32,9	29,5	28,3
Россия	18,9	19,5	21,2	21,4	22,4	23,3	26,2	25,8	28,2	34,6
Монголия	83,7	82,4	77,0	80,8	84,2	83,1	76,3	81,6	83,8	83,4
КНДР	78,7	80,2	79,2	92,3	86,1	80,6	55,3	34,9	93,5	97,5

Источник: рассчитано на основе статистики ООН. UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 01 августа 2024 г.).

Таблица 3

Сальдо внешнеторгового баланса стран СВА с субглобальной и глобальной экономикой, млрд долл.

Страна СВА	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
СВА										
КНР	-93,5	-80,9	-78,9	-104,4	-143,4	-104,7	-103,1	-124,5	-92,3	-41,9
Япония	-52,1	-44,5	-27,4	-14,1	-17,1	-24,5	-8,9	-7,1	-33,7	-28,9
Республика Корея	28,5	20,2	10,7	11,0	21,7	3,3	-0,7	-7,3	-31,0	-39,7
Россия	5,6	11,0	-4,2	-2,5	20,8	16,7	16,4	21,4	60,7	30,5
Монголия	1,2	1,1	1,5	2,1	1,8	2,2	2,0	2,7	4,3	6,1
КНДР	-1,9	-0,4	-1,2	-2,0	-2,2	-2,3	-0,4	-0,2	-1,3	-2,4
Всего										
КНР	383,1	593,9	509,7	419,6	352,8	419,9	519,5	636,6	877,6	823,0
Япония	-122,0	-0,7	38,0	26,2	-10,3	-15,4	5,9	-15,2	-151,9	-33,8
Республика Корея	47,5	90,3	89,2	95,2	69,6	38,9	44,8	29,3	-47,8	-10,4
Россия	211,2	161,1	94,3	119,2	211,3	179,6	117,7	215,0	375,5	205,4
Монголия	0,6	0,9	1,6	1,9	1,1	1,5	2,3	2,4	3,8	5,9
КНДР	-1,2	-0,7	-0,9	-2,0	-2,4	-2,7	-0,7	-0,6	-1,3	-2,4

Источник: рассчитано на основе статистики ООН. UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 01 августа 2024 г.).

вых товаров преимущественно на китайский рынок. Россия, как было ранее обозначено, в условиях жестких санкций со стороны западных стран с 2022 г., к которым также присоединились Япония и Республика Корея, стала перенаправлять значительную часть своих сырьевых товаров, ориентированных ранее на европейский рынок, на рынки других стран, крупнейшим из которых являлся Китай, и, в свою очередь, замещать европейскую продукцию на отечественном рынке за счет импорта сопоставимых товаров из стран СВА. Также, несмотря на введенные против российской экономики санкции, углеводородное сырье из со-

вместных проектов на Дальнем Востоке России продолжало поступать на японский и южнокорейский рынки в рамках реализации обязательств по долгосрочным контрактам [Мазитова, 2024]. Что касается КНДР, то отрицательное сальдо внешнеторгового баланса данной страны длительное время балансировалось за счет экспорта услуг рабочей силы в форме переводов денежных средств из-за рубежа, преимущественно из КНР [Асмолов, Захарова, 2022].

Далее, анализ динамики и структуры двусторонних товаропотоков, формирующих, в конечном счете, торговлю между странами СВА, показал, что основным ис-

точником функционирования торговых взаимосвязей в субглобальном регионе являлась китайская экономика, которая объединила как развитые страны, так и «периферийные» экономики. Доли торговли между странами Большой тройки сокращались, но доли в торговле России с КНР и Республикой Корея, а также Монголии с КНР увеличивались (рис. 1).

Помимо этого, наблюдалось снижение доли во внутрирегиональной торговле товарооборота между Японией и Республикой Корея, вероятно, по причине отклонения торговых потоков Южной Кореи в пользу китайского рынка, благодаря созданию ЗСТ между странами в 2015 г. Примечательным моментом является то, что если в начале рассматриваемого десятилетия – в 2014 г. – торговля главным образом осуществлялась между странами Большой тройки СВА, то в 2023 г. важным участником торговых взаимосвязей в субглобальном регионе стала Россия, заметно нарастившая товарооборот с

КНР, который стал практически сопоставим по объему с торговлей Китая с Республикой Корея. На фоне устоявшихся торговых связей в рамках Большой тройки СВА, которые, по всей видимости, стали постепенно переходить в состояние стагнации, «периферийные» экономики СВА, преимущественно Россия, к 2023 г. пусть однобоко, но изменили структуру товаропотоков в субглобальном регионе.

Товарная структура экспорта и импорта стран СВА

Между странами СВА сложилась долгосрочная специализация в экспорте определенной продукции. Страны Большой тройки СВА специализировались в поставках разнообразной промышленной продукции, а «периферийные» экономики – преимущественно сырьевых товаров. Следует заметить, что согласно статистическим данным ООН⁵, к 2023 г., большую долю в экспорте КНДР в страны СВА занимали различные готовые изделия, поставляемые преимущественно на

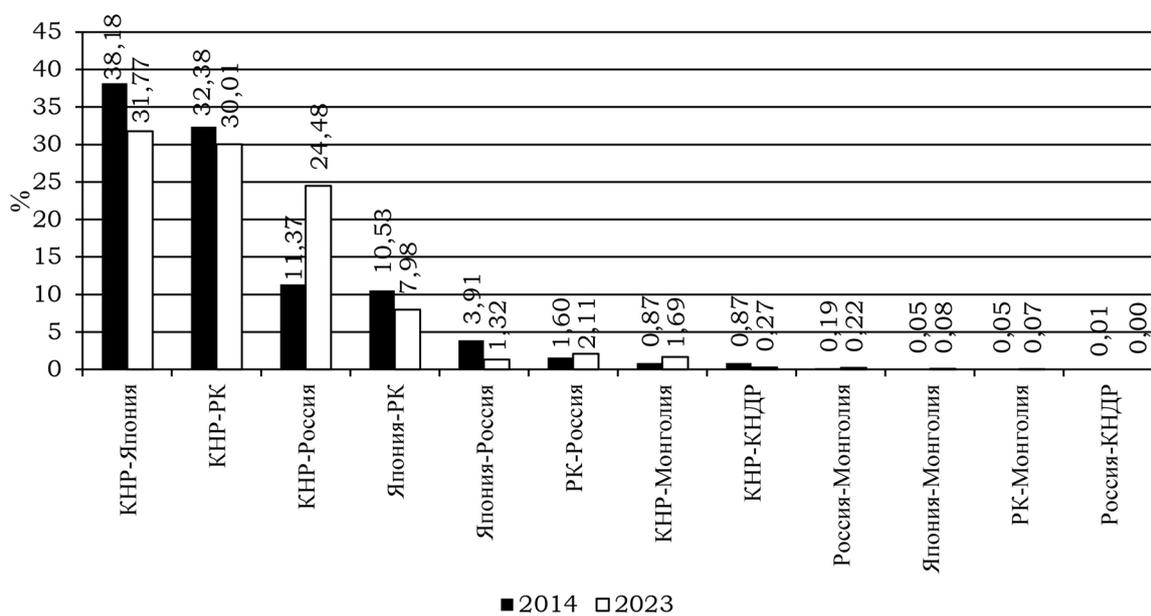

Рис. 1. Доли двусторонних товаропотоков в торговле между странами СВА

Примечания. Товарооборот между Японией и КНДР, Республикой Корея и КНДР в рамках рассматриваемых лет не осуществлялся. Товарооборот между КНДР и Монголией в 2014 г. был незначительным, а в 2023 г. не осуществлялся. РК – Республика Корея.

Источник: рассчитано на основе статистики ООН. UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 01 августа 2024 г.).

⁵ Рассчитано на основе статистики ООН [UNCTADstat, 2024].

китайский рынок. Доминирование данной группы в экспорте КНДР являлось эпизодичным, в связи с ограничениями для вывоза сырьевых товаров из Северной Кореи [Kim, Kim, Park, Sun, 2023]. В условиях отсутствия запретительных барьеров, основную долю в экспорте данной страны долгое время занимали минеральное топливо (уголь), сырье непродовольственное (металлические руды), а также пищевые продукты (рыба).

В настоящем исследовании анализ товарной структуры экспорта и импорта стран СВА проводился на основе укрупненных товарных групп Международной стандартной торговой классификации (SITC) по следующим кодам: 0 – пищевые продукты и живые животные; 1 – напитки и табак; 2 – сырье непродовольственное, кроме топлива (шкурки, кожевенное сырье и пушнина; масличные семена и масличные плоды; натуральный каучук; пробка и лесоматериалы, бумажная масса и макулатура; текстильные волокна и их отходы; сырье для удобрений, минеральное сырье, металлические руды и лом; сырьевые материалы животного и растительного происхождения, не включенные в другие категории); 3 – минеральные топлива, смазки и аналогичные материалы; 4 – животные и растительные масла, жиры и воски; 5 – химические вещества и аналогичная продукция; 6 – промышленные товары, классифицированные по виду материала (кожа, готовые изделия из кожи и выделанная пушнина; резиновые изделия, не включенные в другие категории; изделия из пробки и дерева (кроме мебели); бумага, картон и изделия из них; текстильная пряжа, ткани и готовые изделия из них; продукция из нерудных ископаемых, не включенная в другие категории; чугун и сталь, цветные металлы и изделия из них); 7 – машины и транспортное оборудование; 8 – различные готовые изделия (блочные здания; арматура и крепления; мебель; постельные принадлежности, матрацы, подушки и аналогичная мебель; дорожные принадлежности, сумки; предметы одежды и одежные принадлежности; обувь; специальные приборы и аппараты, фотографическая аппаратура, оборудо-

вание и принадлежности и оптические изделия; часы); 9 – товары и операции, не включенные в другие категории (специальные операции и товары, монеты, немонетарное золото, кроме золотых руд и концентратов).

Анализ показал, что за рассматриваемый период товарная структура экспортных и импортных потоков в рамках СВА в целом не претерпела кардинальных трансформаций. При этом, безусловно, под влиянием различного рода описанных ранее процессов наблюдались некоторые изменения (табл. 4).

Так, Китай к 2023 г. заметно нарастил в страны СВА поставки машин и транспортного оборудования, а также химических веществ, за счет освоения рынка России в условиях масштабных санкций к российской экономике в 2022 г. На фоне некоторого сокращения экспорта в страны СВА, по сравнению с поставками в третьи страны, структура экспорта Японии и Республики Корея в страны СВА практически не претерпела изменений. Исключение составили поставки прочих товаров из Японии на китайский и южнокорейский рынки, а также химических веществ из Республики Корея на китайский рынок, главным образом использовавшихся в производственном цикле южнокорейских предприятий на территории КНР. В экспорте России в страны СВА основную позицию занимало минеральное топливо, поставляемое на китайский рынок, а к 2023 г. доля данной продукции еще больше увеличилась по причине перенаправления этой товарной группы с европейского рынка. Монголия незначительно увеличила долю пищевых продуктов (мясные изделия) в КНР и прочих товаров (главным образом, немонетарное золото) на южнокорейский рынок. К 2023 г. на фоне значительного сокращения поставок на внешний рынок сырьевых товаров из КНДР в условиях, применяемых к данной экономике санкций, как было ранее обозначено, наблюдались видимые трансформации в товарной структуре северокорейского экспорта – заметно увеличилась доля промышленной продукции и химических веществ, хотя по сравнению с 2014 г.

Таблица 4

**Товарная структура экспорта и импорта стран СВА
во внутрирегиональной торговле, %**

Товарные группы	КНР		Япония		Республика Корея		Россия		Монголия		КНДР	
	2014	2023	2014	2023	2014	2023	2014	2023	2014	2023	2014	2023
Всего	100/100	100/100	100/100	100/100	100/100	100/100	100/100	100/100	100/100	100/100	100/100	100/100
0	5,32/ 0,67	3,81/ 1,57	0,34/ 4,67	0,76/ 5,15	1,33/ 2,68	1,87/ 2,78	3,33/ 3,01	2,63/ 1,84	0,32/ 4,50	2,50/ 8,35	9,28/ 9,25	0,40/ 15,99
1	0,06/ 0,04	0,09/ 0,14	0,05/ 0,25	0,27/ 0,51	0,29/ 0,06	0,45/ 0,08	0,08/ 0,13	0,03/ 0,09	0,00/ 1,24	0,01/ 1,74	0,06/ 1,14	0,11/ 4,69
2	1,20/ 3,88	1,45/ 4,44	3,50/ 1,62	3,16/ 1,17	1,17/ 2,97	1,59/ 2,01	7,42/ 0,50	3,80/ 0,83	67,46/ 0,63	52,36/ 0,73	14,29/ 2,84	13,65/ 2,24
3	1,33/ 10,88	1,06/ 23,58	2,45/ 11,82	2,86/ 5,98	7,78/ 10,10	7,74/ 4,54	79,40/ 0,46	87,13/ 0,47	30,55/ 33,09	41,33/ 28,09	40,10/ 6,26	7,63/ 1,35
4	0,06/ 0,01	0,07/ 0,57	0,03/ 0,02	0,03/ 0,03	0,02/ 0,05	0,02/ 0,06	0,04/ 0,01	0,45/ 0,02	0,00/ 0,36	0,02/ 0,36	0,02/ 3,13	0,00/ 6,06
5	6,49/ 14,04	11,25/ 13,27	17,23/ 5,63	17,26/ 8,95	16,93/ 13,20	21,41/ 16,04	2,47/ 5,38	1,16/ 8,61	0,07/ 5,17	0,01/ 7,03	0,73/ 7,60	4,00/ 19,88
6	16,55/ 12,29	13,91/ 8,66	14,92/ 12,52	12,48/ 13,30	10,29/ 20,65	11,33/ 15,93	3,98/ 15,81	3,53/ 13,56	1,22/ 22,33	1,40/ 17,52	6,51/ 28,18	13,94/ 23,01
7	43,49/ 46,73	47,90/ 41,05	46,89/ 40,93	46,34/ 45,68	48,52/ 37,75	46,46/ 46,12	2,74/ 48,23	1,07/ 57,32	0,21/ 27,91	0,27/ 32,03	2,19/ 27,45	0,22/ 0,20
8	25,51/ 11,28	19,31/ 6,09	10,07/ 21,42	9,67/ 17,26	13,59/ 12,43	9,04/ 12,23	0,55/ 26,36	0,20/ 16,75	0,12/ 4,77	0,28/ 4,14	26,12/ 14,15	60,04/ 26,57
9	0,00/ 0,17	1,14/ 0,63	4,51/ 1,11	7,15/ 1,96	0,08/ 0,11	0,09/ 0,20	0,00/ 0,11	0,01/ 0,52	0,04/ 0,01	1,82/ 0,00	0,69/ 0,00	0,01/ 0,00

Примечание: в первом столбце отражены товарные группы в формате SITC.

Источник: рассчитано на основе статистики ООН. UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 01 августа 2024 г.).

стоимостные объемы данных товаров сократились более чем в семь раз.

Что касается товарной структуры импорта, то Китай в 2023 г. по сравнению с 2014 г. заметно увеличил долю минерального топлива из стран СВА, главным образом, из России (сырая нефть и природный газ) и в меньшей степени из Монголии (уголь). Также в структуре импорта из стран СВА Китай нарастил долю пищевой продукции преимущественно из России (зерновые и масличные культуры, рыбная продукция) в рамках эксплуатации формирующегося сухопутного зернового коридора между двумя странами, а также переключения поставок российских биологических ресурсов дальневосточных морей на китайский рынок [Изотов, 2023]. При общем сокращении импорта из стран СВА Япония увеличила долю в импорте машин и транспортного оборудования, по всей видимости, из собственных предприятий, расположенных на китай-

ской территории, а также незначительно нарастила долю продовольственных товаров из КНР и частично из Республики Корея. Республика Корея и Россия увеличили долю в импорте из стран СВА машин и оборудования, а также химических веществ из КНР. Монголия, которая постепенно наращивала торговлю со странами СВА, увеличила долю в импорте пищевых продуктов и химических веществ из России, КНР и Республики Корея, машин и оборудования из КНР и Японии. На фоне общего сокращения внешней торговли, КНДР в импорте из стран СВА увеличила долю различных готовых изделий, химических веществ, продовольственных товаров (пищевые продукты, животные и растительные масла, напитки), главным образом из Китая.

Соответственно, за рассматриваемый период в рамках товарообмена между странами СВА Китай, Россия и Монголия увеличили доли во внутрирегиональном

экспорте и импорте, а остальные страны субглобального региона – сократили. Данное обстоятельство объясняется наращиванием торговли Китая с двумя указанными странами по причине экономической целесообразности, а также непосредственным влиянием внешнеполитических факторов на российский товарооборот с зарубежными странами, которые способствовали его отклонению в пользу китайского рынка. Фактически, Китай стал центром притяжения для «периферийных» экономик СВА.

В условиях санкций к 2023 г. по доле экспорта в рамках СВА, позиция России стала сопоставимой с Республикой Корея (табл. 5).

С точки зрения распределения стоимостных объемов между странами СВА по товарным группам, субглобальный рынок в целом не отличался диверсифицированной структурой. Так, к 2023 г. по товарным группам во внутрирегиональной торговле более половины экспорта

пищевых продуктов, промышленных товаров, машин и транспортного оборудования, различных готовых изделий приходилось на Китай, прочих товаров – на Японию, минерального топлива, животных и растительных масел – на Россию. Более четверти стоимостного объема экспорта в СВА химических веществ и прочих товаров непродовольственного сырья приходилось на КНР, напитков и табака, химических веществ – на Японию, химической продукции, напитков и табака – на Республику Корея, непродовольственного сырья – на Монголию.

За рассматриваемый период сложилась доминанта экспорта из Китая по многим товарным группам, однако, по некоторым товарным позициям, преимущественно в рамках сложной продукции, Япония с Республикой Корея имели суммарный паритет с КНР. Наряду с проявлением тесной технологической и производственной кооперации между КНР с одной стороны и Японией и Республикой

Таблица 5

**Доли стран в товарной структуре экспорта и импорта СВА
во внутрирегиональной торговле, %**

Товарные группы	КНР		Япония		Республика Корея		Россия		Монголия		КНДР	
	2014	2023	2014	2023	2014	2023	2014	2023	2014	2023	2014	2023
Всего	40,17/ 45,66	45,68/ 46,38	24,35/ 27,16	19,10/ 20,53	24,44/ 18,10	17,31/ 19,96	9,99/ 8,08	16,45/ 12,15	0,67/ 0,45	1,43/ 0,72	0,39/ 0,55	0,03/ 0,27
0	73,33/ 12,90	65,04/ 27,26	2,83/ 53,42	5,43/ 39,66	11,13/ 20,44	12,07/ 20,84	11,40/ 10,25	16,12/ 8,37	0,07/ 0,85	1,33/ 2,25	1,23/ 2,14	0,00/ 1,62
1	21,46/ 15,96	23,00/ 29,61	10,16/ 56,13	29,25/ 46,84	61,18/ 9,55	44,79/ 7,41	6,98/ 8,74	2,85/ 4,98	0,02/ 4,52	0,09/ 5,55	0,19/ 5,10	0,02/ 5,62
2	16,75/ 63,09	22,65/ 73,23	29,73/ 15,70	20,70/ 8,51	9,95/ 19,11	9,44/ 14,27	25,83/ 1,45	21,40/ 3,58	15,80/ 0,10	25,67/ 0,19	1,93/ 0,55	0,14/ 0,22
3	4,70/ 48,58	2,81/ 82,03	5,28/ 31,40	3,16/ 9,21	16,79/ 17,88	7,75/ 6,79	70,05/ 0,36	82,84/ 0,43	1,81/ 1,45	3,42/ 1,51	1,37/ 0,34	0,01/ 0,03
4	60,15/ 9,81	26,96/ 86,68	17,81/ 14,31	5,69/ 2,22	12,55/ 22,25	3,17/ 4,12	9,26/ 2,26	63,92/ 0,73	0,00/ 4,43	0,25/ 0,85	0,23/ 46,94	0,00/ 5,41
5	23,28/ 59,21	41,67/ 49,86	37,50/ 14,13	26,72/ 14,89	36,98/ 22,05	30,05/ 25,93	2,21/ 4,02	1,54/ 8,47	0,00/ 0,21	0,00/ 0,41	0,03/ 0,39	0,01/ 0,44
6	50,26/ 39,30	56,20/ 34,14	27,46/ 23,80	21,09/ 23,21	19,01/ 26,16	17,35/ 27,04	3,01/ 8,95	5,14/ 14,01	0,06/ 0,70	0,18/ 1,07	0,19/ 1,08	0,04/ 0,53
7	42,58/ 49,10	56,17/ 42,49	27,83/ 25,58	22,72/ 20,92	28,90/ 15,72	20,65/ 20,54	0,67/ 8,97	0,45/ 15,54	0,00/ 0,29	0,01/ 0,51	0,02/ 0,35	0,00/ 0,00
8	63,34/ 33,36	71,78/ 25,82	15,16/ 37,65	15,03/ 32,37	20,52/ 14,56	12,74/ 22,30	0,34/ 13,79	0,27/ 18,58	0,01/ 0,14	0,03/ 0,27	0,63/ 0,50	0,15/ 0,66
9	0,18/ 18,92	27,04/ 36,64	97,80/ 74,14	70,75/ 50,46	1,77/ 4,77	0,77/ 5,06	0,00/ 2,16	0,08/ 7,84	0,02/ 0,01	1,35/ 0,00	0,24/ 0,00	0,00/ 0,00

Примечание: в первом столбце отражены товарные группы в формате SITC.

Источник: рассчитано на основе статистики ООН. UNCTADstat. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 01 августа 2024)

кой Корея – с другой, наблюдался также процесс нарастания конкуренции между китайскими, японскими и южнокорейскими товарами с высокой добавленной стоимостью на рынке СВА. За указанные годы Россия и отчасти Монголия укрепили свои позиции в поставках ключевых сырьевых товаров преимущественно на китайский рынок, поддерживая функционирование экономики КНР и способствуя поддержанию ценовой конкурентоспособности китайской продукции.

Что касается импорта, то к 2023 г. основными потребителями непродовольственного сырья, минерального топлива, животных и растительных масел, химических веществ, промышленных товаров, машин и транспортного оборудования на рынке СВА являлся Китай, а Япония – пищевых продуктов, напитков, различных готовых изделий, прочих товаров. Помимо КНР и Японии важное место в импорте сложных товаров в СВА также занимала Республика Корея. При этом к 2023 г. по причине переориентации внешней торговли с европейского рынка доля России в импорте по ряду товарных групп промышленной продукции приблизилась к доле Республики Корея. Фактически, российский рынок, который по размеру ВВП сопоставим с южнокорейским, в условиях нивелирования торгово-экономических связей со странами ЕС, способен стать одним из заметных потребителей готовой продукции на субглобальном рынке, но преимущественно китайской продукции в условиях имеющихся ограничений. Монголия является относительно небольшим рынком, спрос которого на продукцию стран СВА в целом был незначительным по всем товарным группам импорта. Несмотря на то, что доля КНДР во внутрирегиональной торговле являлась несущественной, тем не менее в 2014 г. почти половина совокупного импорта животного и растительного масла стран СВА приходилась именно на данную страну. Это обстоятельство указывает на то, что при смягчении различного рода ограничений к КНДР со стороны международного сообщества данная страна способна стать одним из важных потребителей продо-

вольственных товаров из стран СВА, в том числе из России.

Интенсивность торговли стран СВА

Несмотря на потенциальную возможность реализации имеющихся естественных преимуществ с точки зрения наличия взаимодополнения экономик субглобального региона, анализ динамики и структуры торговли указал на разнонаправленные тенденции – как сближения, так и расхождения торговых взаимодействий стран СВА. По этой причине необходимо оценить динамику интенсивности торговых взаимодействий в СВА по сравнению с товарооборотом экономик субглобального региона с третьими странами по укрупненным товарным группам для СВА в целом и для стран Большой тройки СВА, на которую приходится основная доля внутрирегионального товарооборота.

Интенсивность торговли субглобального региона отражает отношение доли стоимостного объема торговли внутри региона в его совокупной торговле со всеми странами мира к доле совокупной торговли данного региона в мировой торговле и оценивается в рамках индекса (1), показывая отклонение взвешенных значений торговли в пользу внутрирегионального/внешнего для региона рынка [Plummer, Cheong, Hamanaka, 2010]:

$$RTI_{i,t} = (IT_{i,t}/T_{i,t}) / (T_{i,t}/(T_{w,t} - T_{i,t})) \quad (1)$$

где: IT_i – внешнеторговый товарооборот между странами субглобального региона i ; T_i – внешнеторговый оборот стран субглобального региона i со всеми странами мира; T_w – товарооборот в мировой экономике; t – год. При $RTI = 0$ торговля между странами внутри субглобального региона не ведется. При $RTI = 1$ страны субглобального региона торгуют друг с другом с такой же интенсивностью, что и с другими странами мира, указывая на отсутствие отклонения интенсивности торговли региона в пользу какого-либо рынка. При $0 < RTI < 1$ интенсивность торговли субглобального региона отклоняется в пользу третьих стран, если $RTI > 1$, то в пользу стран региона, т. е. ин-

тенсивность торговли между странами субглобального региона выше, чем с третьими странами.

Оценки показали, что в целом значения интенсивности торговли стран СВА были меньше единицы, указывая на общее отклонение товарооборота субглобального региона в пользу третьих стран (табл. б).

Следует заметить, что в 2022–2023 гг. интенсивность торговли СВА немного возросла по причине динамичного наращивания товарооборота между Китаем и Россией. Тем не менее, данное обстоятельство не способствовало изменению общей тенденции по снижению интенсивности торговли в рамках СВА, поскольку основной причиной отклонения

товарооборота субглобального региона в пользу третьих стран являлось постепенное ослабление интенсивности торговли между основными экономиками региона – странами Большой тройки СВА.

Несмотря на важность гравитационного притяжения между экономиками субглобального региона в условиях имеющихся торгово-экономических барьеров, отсутствие заключения «глубокого» интеграционного формата между странами Большой тройки в СВА, а также видимое исчерпание позитивного влияния процесса глобализации, способствовали общему переключению части торговых потоков, главным образом сложных промышленных товаров, на рынки третьих

Таблица 6

Значения RTI для торговли стран СВА

Товарная группа	Группа стран	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Всего	1	0,83	0,83	0,87	0,86	0,85	0,83	0,79	0,75	0,78	0,81
	2	0,85	0,84	0,88	0,87	0,85	0,81	0,76	0,72	0,72	0,69
0	1	1,54	1,48	1,52	1,45	1,41	1,24	1,07	1,01	0,98	1,08
	2	1,76	1,53	1,55	1,51	1,42	1,21	1,06	0,98	0,99	1,04
1	1	1,03	1,06	1,02	1,06	1,22	1,33	1,38	1,32	1,60	1,51
	2	1,28	1,20	1,21	1,29	1,43	1,61	1,74	1,70	2,02	1,86
2	1	0,29	0,32	0,32	0,29	0,31	0,27	0,24	0,24	0,25	0,22
	2	0,19	0,20	0,19	0,17	0,18	0,15	0,12	0,14	0,15	0,12
3	1	0,59	0,67	0,72	0,70	0,73	0,69	0,73	0,80	0,84	0,97
	2	0,32	0,37	0,36	0,34	0,33	0,28	0,27	0,26	0,18	0,20
4	1	0,41	0,52	0,67	0,64	0,81	0,74	1,02	0,72	0,82	1,10
	2	0,31	0,29	0,32	0,24	0,24	0,19	0,19	0,23	0,27	0,20
5	1	1,54	1,49	1,54	1,50	1,46	1,44	1,42	1,31	1,34	1,44
	2	1,76	1,67	1,74	1,70	1,62	1,61	1,54	1,43	1,45	1,54
6	1	0,92	0,85	0,92	0,92	0,90	0,89	0,79	0,80	0,76	0,79
	2	0,98	0,88	0,96	0,99	0,95	0,92	0,79	0,81	0,77	0,75
7	1	0,75	0,73	0,77	0,76	0,76	0,75	0,70	0,66	0,69	0,75
	2	0,75	0,73	0,77	0,76	0,76	0,74	0,68	0,64	0,66	0,68
8	1	0,75	0,74	0,79	0,77	0,79	0,76	0,69	0,63	0,61	0,65
	2	0,70	0,70	0,76	0,73	0,75	0,71	0,65	0,59	0,57	0,59
9	1	0,69	0,66	0,59	0,55	0,49	0,67	1,03	0,63	1,02	0,67
	2	0,90	0,81	0,96	1,01	0,97	1,20	2,17	1,31	1,09	0,68

Примечание: 1 – СВА; 2 – Большая тройка СВА. В первом столбце отражены товарные группы в формате SITC.

Источник: расчеты автора.

стран. Данный процесс являлся по всей видимости неизбежным, поскольку Китай, Япония и Республика Корея в таких условиях в целом исчерпали возможности наращивания торговли промышленными товарами за счет расширения торговли с внешней переработкой⁶ на китайской территории, а в Китае возникли крупные национальные промышленные корпорации, которые, с одной стороны, уже обладают необходимыми компетенциями в производстве подавляющего большинства промежуточных товаров, ранее поставлявшихся японским и южнокорейским корпоративными секторами, с другой стороны, составляют конкуренцию японским и южнокорейским компаниям на рынке третьих стран по множеству видов готовых промышленных товаров. При этом, как было отмечено ранее, Япония и Республика Корея торговали друг с другом в гораздо меньшей степени, чем с КНР. Также для стран Большой тройки СВА высокий уровень потребления сырьевых товаров, а именно непродовольственного сырья, традиционно поддерживался поставками из третьих стран (Австралия, страны Юго-Восточной Азии, Северной и Южной Америки), что также снижало интенсивность торговли в рамках СВА.

Тем не менее, по ряду товарных групп значения интенсивности торговли стран СВА были больше единицы, указывая на то, что в рамках конкретных товарных ниш торговое сближение в субглобальном регионе пусть эпизодично, но осуществлялось. К 2023 г. к таким товарным нишам относились: продовольственная продукция (пищевые продукты, напитки, животные и растительные масла); химические вещества. Страны Большой тройки СВА, являющиеся главными потребителями минерального топлива, преимущественно приобретали данную продукцию из стран Персидского залива, Юго-Восточной Азии, Австралии и Канады. По этой причине долгое время торговля данной товарной группой в СВА отклонялась в пользу третьих стран. Однако, ввиду массовых поставок российского углеводородного сырья, главным

образом на китайский рынок, к 2023 г. интенсивность торговли минеральным топливом в СВА характеризовалась паритетом с аналогичным показателем при взаимодействии с третьими странами.

Заключение

Суммарный рынок стран, входящих в СВА, является одним из крупнейших в мире. При прочих равных условиях данный субглобальный регион мог бы стать одним из успешных интеграционных образований в глобальной экономике, однако, под влиянием как экзогенных, так и эндогенных факторов и процессов этого не произошло, а внутрорегиональный товарооборот СВА не превышал 5% глобальной торговли в период 2014–2023 гг., характеризовавшийся нестабильным развитием мировой экономики. Анализ структуры товарооборота указал на то, что в СВА происходят не конфликтующие в явном виде друг с другом процессы, которые, тем не менее, могут вызвать в перспективе частичную торговую фрагментацию данного субглобального региона.

В среднем за 2014–2023 гг. на страны Большой тройки СВА традиционно приходилась основная доля внутрорегионального товарооборота. Страны Большой тройки СВА специализировались в экспорте промышленной продукции, а «периферийные» экономики субглобального региона – сырьевых товаров. К 2023 г. основную долю занимал Китай, нарастивший долю в торговле со странами СВА, далее следовали Япония и Республика Корея, постепенно теряющие свои доли. В 2014–2023 гг. страны Большой тройки СВА все больше ориентировали свою торговлю на рынки третьих стран и балансировали отрицательное сальдо внешнеторгового баланса со странами субглобального региона за счет профицита в торговле с третьими странами. При этом значительный прогресс в наращивании товарооборота в СВА, преимущественно с КНР, показали Россия и Монголия – «периферийные» экономики субглобального региона, характеризующиеся положительными сальдо внешнеторгового баланса со странами СВА.

⁶ К торговле с внешней переработкой относят импорт промежуточных товаров, которые подвергаются обработке или сборке с целью дальнейшего экспорта. Подробно: [Brandt, Li, Morrow, 2021; Kim, 2017].

Примечательным моментом является то, что в 2023 г. важным участником торговых взаимосвязей в субглобальном регионе стала Россия, заметно нарастившая товарооборот с КНР, который стал сопоставимым с торговлей между Китаем и Республикой Корея. Соответственно, в 2014–2023 гг. главным источником поддержания торговых взаимосвязей в СВА стал являться Китай, который задавал общий вектор торгово-экономических взаимодействий в субглобальном регионе, став центром притяжения для «периферийных» экономик, особенно в условиях введения против российской экономик санкций со стороны западных стран.

В 2014–2023 гг. в рамках торговых взаимодействий в СВА сложилась доминанта экспорта из Китая по многим товарным группам, однако в рамках сложной продукции Япония с Республикой Корея имели суммарный паритет с КНР. В условиях тесной производственной кооперации между странами Большой тройки СВА, наблюдалось обострение конкуренции между продукцией данных стран на субглобальном рынке. Россия и Монголия укрепили свои позиции в поставках ключевых сырьевых товаров преимущественно на китайский рынок, способствуя развитию китайской экономики. Помимо этого, по причине переориентации внешней торговли с европейского рынка, к 2023 г. Россия также стала одним из наиболее емких рынков в рамках СВА, особенно в импорте промышленной продукции, приблизившись к доле Республики Корея.

Полученные оценки интенсивности торговли стран СВА с одной стороны, подтвердили наличие отклонения торговли данного субглобального региона в пользу третьих стран, а с другой – указали на наличие потенциала для расширения торговых взаимосвязей, реализация которого сдерживается, прежде всего, нетарифными ограничениями, структурными и институциональными барьерами, а также все более проявляющимися геополитическими рисками. При этом в рамках конкретных товарных ниш – продовольственная продукция, химические вещества, а также минеральное то-

пливо – происходило сближение торговли в рамках СВА.

Таким образом, за 2014–2023 гг. в субглобальном регионе наблюдались следующие процессы. Во-первых, ориентация стран Большой тройки СВА на торговлю с третьими странами и постепенное ослабление торговых взаимодействий между ними, особенно между Японией и Республикой Корея. С этой точки зрения, при важности гравитационного притяжения между экономиками субглобального региона отсутствие заключения продвинутого интеграционного формата в СВА, а также вероятное исчерпание позитивного влияния членства стран в ВТО способствовали общему переключению части торговых потоков, главным образом сложных промышленных товаров, на рынки третьих стран. С этим, в частности, связаны сложности в создании ЗСТ между странами Большой тройки СВА [Yeung, 2021]. Во-вторых, фиксировался общий застой в торговле между странами Большой тройки СВА и фактически отсутствие взаимодействий между «периферийными» экономиками субглобального региона. В-третьих, гравитационное притяжение «периферийных» экономик СВА к Китаю в условиях благоприятных двусторонних политических отношений, создания экзогенных барьеров для взаимодействия с развитыми странами для российской и северокорейской экономик, а также отсутствия других альтернатив для монгольской экономики. Санкционные ограничения к российской экономике с 2014 г., а далее с 2022 г. существенно ужесточившиеся, способствовали наращиванию российско-китайской торговли, отодвинув на неопределенный период привлечение массового японского и южнокорейского капитала в трансграничные территории России для увеличения взаимного товарооборота и построения связующей инфраструктуры в субглобальном регионе, нивелировав тем самым возможности создания в СВА многостороннего кооперационного формата. Наряду с этим, большие трудности для расширения внешнеэкономических отношений со странами СВА имеются у

КНДР, существенно сужая возможности включения данной экономики в торговые взаимодействия в рамках субглобального региона.

Указанные процессы способствовали все большему расширению экономического влияния Китая в субглобальном регионе, который на основе расширения торговых взаимодействий сплотил вокруг себя «периферийные» экономики и создал интеграционный формат с Республикой Корея, постепенно изолировав японскую экономику, выступая

в роли неформального лидера в СВА. Данная фрагментация экономического пространства является объективной, поскольку помимо большого экономического масштаба КНР, который формирует гравитационное притяжение торговых потоков стран, значительно уступающих по размеру китайской экономике, Китай стал рассматриваться как наиболее удобный и «компромиссный» участник торгово-экономических взаимодействий для всех стран региона, даже конфликтующих между собой.

Список источников:

1. Асмолов, К. В., Захарова, Л. В. Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012–2021). М.: ИКСА РАН, 2022. 440 с.
2. Афонцев, С. А. Политика и экономика торговых войн // Журнал новой экономической ассоциации. 2020. № 1 (45). С. 193–198. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-45-1-9.
3. Изотов, Д. А. Торговые взаимодействия КНР с российским рынком: проблемы интенсификации // Азия и Африка сегодня. 2023. № 10. С. 5–14. DOI: 10.31857/S032150750028103-5
4. Мазитова, М. Г. Внешняя торговля Дальневосточного федерального округа в первой половине 2024 г. // Регионалистика. 2024. Т. 11. № 3. С. 80–88. DOI: 10.14530/reg.2024.3.80
5. Brandt, L., Li B., Morrow, P. M. Processing trade and costs of incomplete liberalization: The case of China // Journal of International Economics. 2021. Vol. 131. Pp. 103453. DOI: 10.1016/j.jinteco.2021.103453
6. Cheong, D. Methods for Ex Ante Economic Evaluation of Free Trade Agreements. Asian Development Bank Working Papers on Regional Economic Integration No. 5, 2010. URL: http://aric.adb.org/pdf/workingpaper/WP52_Ex_Ante_Economic_Evaluation.pdf (дата обращения: 01 августа 2024).
7. Corning, G. P. CJK Investment Agreements in East Asia: Building a Bifurcated Investment Regime // Asian Politics & Policy. 2014. Vol. 6. Issue 2. Pp.285–306. DOI: 10.1111/aspp.12111
8. Diener, A. C., Grant, A., Bennett, M. M. Northeast Asia in regional perspective // Asian Geographer. 2021. Vol. 38. Issue 2. Pp. 95–118. DOI: 10.1080/10225706.2021.1952778
9. Hamanaka, S. The Selection of Trade Integration Indicators: Intraregional Share, Intensity, Homogeneous Intensity, and Introversion Index. Asian Development Bank Economics Working Paper Series No. 455, 2015. DOI: 10.2139/ssrn.2708820
10. Kim, B. What has China learned from processing trade? // Economic Structures. 2017. Vol. 6. Issue 32. Pp. 1–14. DOI: 10.1186/s40008-017-0088-5
11. Kim, J., Kim, K., Park, S., Sun, C. The economic costs of trade sanctions: Evidence from North Korea // Journal of International Economics. 2023. Vol. 145. Pp. 103813. DOI: 10.1016/j.jinteco.2023.103813.
12. Lee, S., Lee, J., Kim, K., Choi, J.-Y. 2020/2021 The DPRK Economic Outlook. Korea Development Institute, 2021. URL: https://www.kdi.re.kr/kdi_eng/pub/17150/2020_2021_The_DPRK_Economic_Outlook (дата обращения: 01 августа 2024).
13. Liman, N. Preferential Trade Agreements // Handbook of Commercial Policy. 2016. Vol. 1B. Pp. 279–367. DOI: 10.1016/bs.hescop.2016.04.013
14. Plummer, M. G. Best Practices In Regional Trading Arrangements: An Application to Asia // The World Economy. 2007. Vol. 30. Issue 12. Pp. 1771–1796. DOI: 10.1111/

j.1467-9701.2007.01061.x

15. Plummer, M. G., Cheong, D., Hamanaka, S. Methodology for Impact Assessment of Free Trade Agreements. Asian Development Bank, 2010. URL: <https://www.adb.org/publications/methodology-impact-assessment-free-trade-agreements> (дата обращения: 01 августа 2024).

16. Rozman, G. A regional approach to Northeast Asia // Orbis. 1995. Vol. 39. Issue 1. Pp. 65-80. DOI: 10.1016/0030-4387(95)90054-3.

17. Scalapino, R. A. The Politics of Development: Perspectives on Twentieth Century Asia Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1989. 137 p.

18. Tochkov, K. North Korea's trade and the integration of Northeast Asia // Asia and the Global Economy. 2021. Vol. 1. Pp. 100007. DOI: 10.1016/j.aglobe.2021.100007

19. Wissenbach, U. Barriers to East Asian Integration: North East Asia – A Non-Region? // Journal of Global Policy and Governance. 2013. Vol. 2. Pp. 205–221. DOI: 10.1007/s40320-013-0042-3

20. World Economic Outlook Database (2024). URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (дата обращения: 01 августа 2024).

21. Yeung, W. Y. China's Approach to the Institutionalization of Trilateral Economic Cooperation // East Asia. 2021. Vol. 38. Pp. 207–223. DOI: 10.1007/s12140-021-09357-y

References:

1. Asmolov, K. V., Zakharova, L. V. (2022) Contemporary North Korea: the First Decade of the Kim Jong Un Era (2012–2021). Moscow, ICCA RAS, 440 p. (in Russ.)

2. Afontsev, S. A. (2020) Politics and economics of trade wars. *Zhurnal novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [The Journal of the New Economic Association], no. 1 (45), pp. 193–198 DOI: 10.31737/2221-2264-2020-45-1-9 (in Russ.)

3. Izotov, D. A. (2023) Trade interactions between China and Russia: problems of intensification. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia & Africa today], no. 10, pp. 5–14. DOI: 10.31857/S032150750028103-5 (in Russ.)

4. Mazitova, M. G. (2024) Foreign Trade of the Far Eastern Federal District in the First Half of 2024 *Regionalistica* [Regionalistics], vol. 11, no. 3, pp. 80–88 DOI: 10.14530/reg.2024.3.80 (in Russ.)

5. Brandt, L., Li, B., Morrow, P. M. (2021) Processing trade and costs of incomplete liberalization: The case of China *Zhurnal mezhdunarodnoy ekonomiki* [Journal of International Economics], vol. 131, pp. 103453. DOI: 10.1016/j.jinteco.2021.103453

6. Cheong D. (2010) Methods for Ex Ante Economic Evaluation of Free Trade Agreements. Asian Development Bank Working Papers on Regional Economic Integration No. 5, http://aric.adb.org/pdf/workingpaper/WP52_Ex_Ante_Economic_Evaluation.pdf (accessed August 01, 2024).

7. Corning G.P. (2014) CJK Investment Agreements in East Asia: Building a Bifurcated Investment Regime *Aziatskaya politika i politika* [Asian Politics & Policy], vol. 6, no. 2, pp. 285–306. DOI: 10.1111/aspp.12111

8. Diener, A. C., Grant, A., Bennett, M. M. (2021) Northeast Asia in regional perspective *Aziatskiy Geograf* [Asian Geographer], vol. 38, no. 2, pp. 95–118. DOI: 10.1080/10225706.2021.1952778

9. Hamanaka, S. (2015) The Selection of Trade Integration Indicators: Intraregional Share, Intensity, Homogeneous Intensity, and Introversion Index. Asian Development Bank Economics Working Paper Series No. 455. DOI: 10.2139/ssrn.2708820

10. Kim B. (2017) What has China learned from processing trade? *Ekonomicheskiye struktury* [Economic Structures], vol. 6, no. 32, pp. 1–14. DOI: 10.1186/s40008-017-0088-5

11. Kim, J., Kim, K., Park, S., Sun, C. (2023) The economic costs of trade sanctions: Evidence from North Korea *Zhurnal mezhdunarodnoy ekonomiki* [Journal of International Economics], vol. 145, pp. 103813. DOI: 10.1016/j.jinteco.2023.103813.

12. Lee, S., Lee, J., Kim, K., Choi, J.-Y. (2021) 2020/2021 The DPRK Economic Outlook. Korea Development Institute. https://www.kdi.re.kr/kdi_eng/pub/17150/2020_2021_The_DPRK_Economic_Outlook (accessed August 01, 2024).
13. Limão N. (2016) Preferential Trade Agreements. Handbook of Commercial Policy, vol. 1B, pp. 279–367. DOI: 10.1016/bs.hescop.2016.04.013
14. Plummer, M. G. (2007) Best Practices In Regional Trading Arrangements: An Application to Asia *Mirovaya Ekonomika* [The World Economy], vol. 30, no. 12, pp. 1771–1796. DOI: 10.1111/j.1467-9701.2007.01061.x
15. Plummer, M. G., Cheong, D., Hamanaka, S. (2010) Methodology for Impact Assessment of Free Trade Agreements. Asian Development Bank. <https://www.adb.org/publications/methodology-impact-assessment-free-trade-agreements> (accessed August 01, 2024).
16. Rozman, G. (1995) A regional approach to Northeast Asia. *Orbis*, vol. 39, no. 1, pp. 65–80. DOI: 10.1016/0030-4387(95)90054-3.
17. Scalapino, R. A. (1989) The Politics of Development: Perspectives on Twentieth Century Asia. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts. 137 p.
18. Tochkov, K. (2021) North Korea's trade and the integration of Northeast Asia *Aziya i mirovaya ekonomika* [Asia and the Global Economy], vol. 1, pp. 100007. DOI: 10.1016/j.aglobe.2021.100007
19. Wissenbach U. (2013) Barriers to East Asian Integration: North East Asia – A Non-Region? *Zhurnal global'noy politiki i upravleniya* [Journal of Global Policy and Governance], vol. 2, pp. 205–221. DOI: 10.1007/s40320-013-0042-3
20. World Economic Outlook Database (2024). <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (accessed August 01, 2024).
21. Yeung W.Y. (2021) China's Approach to the Institutionalization of Trilateral Economic Cooperation *Vostochnaya Aziya* [East Asia], vol. 38, pp. 207–223. DOI: 10.1007/s12140-021-09357-y

Статья поступила в редакцию 19.08.2024; одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 19.09.2024; approved after reviewing 30.08.2024; accepted for publication 03.09.2024.

Информация об авторе

Д. А. Изотов – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the author

D. A. Izotov – Doctor of Economic Sciences, Leading researcher, the Economic Research Institute of FEB RAS.